

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Т. Мельникова, Д. А. Хорошилов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматриваются фундаментальные принципы качественных исследований — контекстуальной чувствительности, понимания, интерпретативной реконструкции и рефлексивности. Принцип контекстуальной чувствительности ориентирует качественные исследования на изучение явления в его социокультурном и диалогическом окружении, а принцип понимания — на изучение субъективных значений и смысловых позиций различных групп. Принципы интерпретации и рефлексивности дают ответ на вопрос о методологическом инструменте качественного исследования — как связываются между собой данные и формулируются аналитические обобщения, оценка валидности которых предполагает отслеживание и контроль влияния рефлексивных и ценностных установок самого исследователя. Названные принципы, сформулированные на основе теоретического анализа и практического опыта работы с качественными методами, доказывают правомерность их объединения в единый методологический подход, который реализуется в различных направлениях и стратегиях качественного анализа данных. Авторами подчеркивается концептуальное единство качественных исследований и лежащей в их основе общей методологии.

Ключевые слова: качественные исследования, контекстуальная чувствительность, понимание, интерпретация, рефлексивность, полифония, голос.

This article discusses the fundamental principles of qualitative research: contextual sensitivity, understanding, interpretative reconstruction and reflexivity. The principle of contextual sensitivity focuses on qualitative research study of the phenomenon in its socio-cultural and dialogical setting, and the principle of understanding — the study of subjective values and meaning in the positions of the various groups. The principles of interpretation of reflexivity give an answer

Мельникова Ольга Тимофеевна — докт. психол. наук, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* melnikova-o@yandex.ru

Хорошилов Дмитрий Александрович — канд. психол. наук, науч. сотр. кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* d.khoroshilov@gmail.com

to the question about the methodological tool for qualitative research — how to connect data and formulated analytical synthesis, validity assessment which involves tracking and monitoring impact of reflexive attitudes of the researcher. These principles are formulated on the basis of theoretical analysis and practical experience with qualitative methods and prove the relevancy of combining them into a single methodological approach that is implemented in various directions and strategies of qualitative data analysis. The authors emphasize conceptual unity of qualitative research and the underlying common methodology.

Key words: qualitative research, contextual sensitivity, understanding, interpretation, reflexivity, polyphony, voice.

По негласной традиции специфика качественных исследований раскрывается через их противопоставление исследованиям количественным, однако сегодня эта искусственная дихотомия, сложившаяся к середине XX в., выглядит по меньшей мере трюизмом. Не прекращающиеся попытки определить своеобразие качественного подхода в логике названной оппозиции свидетельствуют, на наш взгляд, о его искаженном понимании. Как верно отмечают Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов, «качественный подход в психологии есть, а вот количественного — нет» (Корнилова, Смирнов, 2011, с. 248). Качественная методология — собирательное понятие, призванное отразить междисциплинарный тренд развития современных социальных наук, который охватывает различные направления и стратегии исследований — этнографические, психоаналитические, феноменологические, дискурсивные, нарративные и ряд других (Melnikova, Khoroshilov, 2010). При внешней разнородности этих направлений можно выделить фундаментальные принципы, позволяющие говорить о концептуальном единстве качественных исследований и лежащей в их основе общей методологии. Исходя из теоретического анализа литературы и практического опыта работы с качественными методами, мы считаем возможным сформулировать 4 таких принципа: (1) *контекстуальной чувствительности*; (2) *понимания*; (3) *интерпретативной реконструкции* и (4) *рефлексивности*. Кратко охарактеризуем их.

Принцип контекстуальной чувствительности

С эпистемологической точки зрения контекстуализм — это методологическая позиция, принимающая допущение, что любое явление познается только через соотнесение с тем языковым, культурным и социальным окружением, в котором оно порождается; в истории психологии принцип контекстуализма обсуждался в классических работах У. Джеймса, К. Бюлера и в несколько ином ракурсе — в трудах Л.С. Выготского (Социальная эпистемология..., 2010).

В отечественной психологии понятие контекста рассматривается в соотношении с *принципом системности*, сформулированным Б.Ф. Ломовым; контекст получает статус смыслообразующей категории — как «система внутренних и внешних факторов и условий поведения и деятельности человека, влияющих на особенности восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации, определяющих смысл и значение этой ситуации как целого» (Системная организация..., 2008, с. 69—70). Контекст выступает здесь не только как психологическая характеристика деятельности человека, но и как инструмент исследования, позволяющий раскрыть различные аспекты изучаемого объекта.

В социально-психологическом ракурсе проблема контекста обсуждается с точки зрения включенности социального окружения и социальных изменений в научное исследование, и в свое время она выступила значимым критерием разделения европейской и американской исследовательских парадигм, причем последняя критиковалась именно за игнорирование фактора «среды» функционирования социальных отношений (Андреева, 2009). Контекст — это социальная матрица идентичности и развития чувства Я, которая складывается не только из непосредственных влияний одного человека на другого, но и из устойчивых во времени отношений, референтных групп и коллективной истории нашего общества (Wetherell, 1998). Такое стремление вернуть научное знание из «лабораторного вакуума» в реальный мир привело к формированию идеи о социально-психологическом исследовании как об агенте политических изменений в обществе, что нашло выражение в рамках *критической социальной психологии* (Rogers, 2011; Tuffin, 2005).

Качественные методы реконструируют психическую реальность через различные формы работы с текстом (Бусыгина, 2013); в этом смысле они следуют логике культурно-исторического подхода, который постулирует возможность проникновения в психические феномены через «объективизированную мысль» (Зинченко и др., 2010, с. 19). Сформулированная Л.С. Выготским проблема соотношения мысли, слова и контекста высказывания оборачивается проблемой опосредования качественного исследования как диалогическими взаимодействиями с его участниками, так и дискурсами, социальными и институциональными отношениями, закрепленными и воспроизводимыми в том или ином обществе.

В связи с этим Д. Силверман предлагает говорить об особой «чувствительности» (*sensitivity*) качественных исследований — исторической, политической и контекстуальной. Последняя из них подразумевает, что значения социальных институций и понятий изменяются в различных контекстах, причем эти контексты создаются самими людьми, и исследователь должен быть крайне осторожен в

своих действиях и интерпретациях, чтобы не изменить их (Silverman, 2006). Однако контекст — это социальная система, составляющими которой являются и индивид, конструирующий смысл окружающей действительности, и научное исследование само по себе (Coyle, 2007). Из сказанного следует ряд проблем понимания роли контекста в качественных исследованиях (Hammersley, 2008): разведение микро- и макросоциального контекста, идентификация контекста (определяется ли он индивидами в коммуникациях или в теоретических моделях), онтологический статус контекста (дан ли он изначально или каждый раз заново конструируется). Чувствительность качественных исследований к тематике контекста заставляет искать методологические принципы концептуализации последнего.

Принцип понимания

Для того чтобы подчеркнуть преемственность со старинной философской традицией, в литературе по качественным методам вынесенный в заглавие принцип пишется иногда на немецком языке без перевода — *Verstehen* (Flick, 2009; Patton, 2002; Stake, 2010). Исторически уместнее говорить не о преемственности современной качественной методологии и идей понимающей психологии и социологии В. Дильтея, М. Вебера и Г. Зиммеля, а скорее об их ретроспективном переосмыслении в новом научном контексте: когда качественные исследования только зарождались в рамках Чикагской школы, работы Вебера еще не были переведены на английский язык и его научный авторитет был еще не столь высок, как авторитет Ч. Кули и Дж. Мида (Platt, 1985).

С конца XIX в. понимание и объяснение разводятся как принципы, которые задают различные логики изучения психической жизни в рамках понимающей и объясняющей психологии; условной датой этого разделения можно считать знаменитую дискуссию В. Дильтея и Г. Эббингауза о путях развития психологии: должна ли она ориентироваться на модель гуманитарных или естественных наук. В социальной психологии дихотомия понимания и объяснения называется критерием для размежевания европейской и американской традиций или «парадигм» (Шихирев, 2000). Следует сказать, что обсуждаемая дихотомия преодолевается уже в работах К. Бюлера, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина и Дж. Мида, которые развили мысль об опосредовании психологического познания языком, значениями и обществом (Nerlich, 2004), а в современных реалиях речь идет о *дискурсивном модусе* «символических взаимодействий между активными людьми, сведущими в условиях определенной культурной среды» (Харре, 2006, с. 119).

По мнению Э. Гидденса, понимание — это не метод исследования в социальных науках, обнаруживающий смысл поведения людей

через эмпатическое проникновение в сознание другого человека, а «онтологическое условие человеческого общества как оно создается и воспроизводится его членами» (Giddens, 1993, с. 158). Высказывание Гидденса ставит под сомнение сам факт методологического разведения понимания и объяснения. Проблема понимания связана с конституированием и рефлексией значений в коммуникациях и взаимодействиях между людьми. В современных качественных исследованиях понимание не противопоставляется объяснению, а используется для обозначения их ориентации на изучение позиции Другого. Качественный анализ — это диалектика понимания и объяснения, посредником между ними выступает интерпретация (Packer, 2011). Ретроспективно этот тезис может быть прочитан как реализация идеи М. Вебера об «объясняющем понимании» (Вебер, 1990, с. 608): в понимающей социологии объяснить некое явление означает постигнуть его смысловые связи.

Принцип понимания в качественной методологии реализуется в анализе данных, который определяется как процесс их категоризации и типологизации, т.е. сведения к повторяющимся смысловым паттернам и кластерам значений, включающим в себя ряд основных характеристик схожих друг с другом единичных исследовательских случаев (что сопоставимо с концепцией «идеального типа» М. Вебера). Технически качественный анализ подразумевает три основных стратегии — *кодировку данных* (иными словами, редукцию к обобщающим категориям и присвоение им названий), *объединение полученных категорий в более крупные темы*, а также *представление и сравнение данных в таблицах или схемах* (Creswell, 2007). Предполагается, что эти стратегии используются в различных аналитических методах, а формулирование основных тем осуществляется «по спирали», т.е. исследователь возвращается к исходным данным, например транскриптам интервью, перечитывая их и дополняя уже готовые категории (Hesse-Biber, Leavy, 2011) для получения более целостной картины изучаемого явления или случая.

Таким образом, качественный анализ дает возможность перейти от фактической констатации «живого» опыта человека и спектра его переживаний к надконтекстуальным обобщениям. Интерсубъективное понимание значений, достигаемое в исследовательском диалоге и качественном анализе данных, опосредуется концептуальным инструментом — интерпретацией.

Принцип интерпретативной реконструкции

Если принципы контекстуальной чувствительности и понимания задают общий фокус изучения смысловой структуры поведения человека, то принцип интерпретации раскрывает способ реконструкции психологической реальности в качественных исследованиях.

Интерпретация — это не выражение субъективного отношения к фактам, а процесс конструирования значений, который может быть определен как «исследовательский поиск связи наблюдаемых явлений друг с другом и с другими явлениями, существование которых признается или предполагается на основании имеющихся данных» (Ойзерман, 2009, с. 128). В книгах по качественным исследованиям иногда говорят о самостоятельной линии или даже о целой методологии интерпретативизма (Hesse-Biber, Leavy, 2011; Miles, Huberman, 1994), сложившейся под влиянием *интерпретативной социологии* (к ней относятся концепции интеракционизма, феноменологической социологии, а также этнометодологии; их объединяет ориентация на изучение микроконтекста взаимодействий между людьми в обыденной жизни) и *интерпретативной антропологии*. Последняя рассматривает культуры как тексты, чьи значения раскрываются в способах интерпретации данных, которые являются результатом уже совершенного истолкования носителями той или иной культуры своих переживаний и отношений с окружением (подробнее об этом см.: Орлова, 2010).

«Интересно заметить, — пишет К. Виллиг, — что подавляющее большинство публикуемых качественных исследований в психологии представляют “качественный анализ” данных, но не используют слова *интерпретация* в своих отчетах» (Willig, 2012, p. 17; курсив наш. — О.М., Д.Х.). Автор выделяет два уровня интерпретации — *эмпатически-описательный*, на котором исследователь пытается «схватить» значения с точки зрения респондента, и *критически-герменевтический*, предполагающий углубленное понимание феномена с опорой на уже существующие теоретические традиции и перспективы. При этом возникает опасность искажения значений, т.е. наложения готовых формулировок и объяснений исследователя на уникальный опыт респондентов. Дополнительно возникает вопрос и о выборе логики интерпретации, которая задается в различных подходах — психоаналитическом, феноменологическом, дискурсивном или психосоциальном. Таким образом, перечисленные сложности интерпретации как инструмента анализа приводят нас к проблеме соотношения описания, репрезентации и трансляции данных «из первых рук» и реконструкции их смысловой структуры с опорой на уже существующие теоретические модели. Здесь следует отметить два ключевых момента.

Во-первых, предполагается, что люди в коммуникациях и взаимодействиях друг с другом постоянно интерпретируют и, следовательно, переконструируют окружающий их мир; в современных концепциях К. Гергена (Gergen, 2009) и И. Марковой (Marková, 2003) раскрыты диалогические механизмы конструирования социального пространства: если Герген показывает *трансформативный* характер

диалога как возможности для формирования словаря значений, позволяющего «переводить» действия Другого на свой «язык», то у Марковой диалог выступает как механизм превращения абстрактных антиномий мышления в смысловые оппозиции, или *тематы*, вокруг которых формируется и затем «обрастает» информацией социальное представление. Диалог составляет «контекстуально значимое проблемное поле межличностного общения и коммуникации» (Автономова, 2012, с. 353), в котором человек структурирует социальный мир своими интерпретациями.

Во-вторых, если рассматривать цель качественного исследования в ракурсе психологии социального познания, то она заключается именно в экспликации этих обыденных интерпретаций, опосредуемой в свою очередь научными теоретическими построениями и интерпретациями. Здесь мы сталкиваемся с принципом «двойственности интерпретации», как он именуется в антропологии (К. Гиртц), или «двойной герменевтики» — в социологии (Э. Гидденс), а применительно к качественным исследованиям предлагается говорить о «двойной рефлексивности» (Штейнберг и др., 2009). Таким образом, проблема интерпретации оборачивается проблемой адекватной репрезентации социальных значений.

Эвристическое разрешение дилеммы фактологического описания и теоретической интерпретации данных предлагает А. Шюц, разводя в научном познании конструкты двух соответствующих уровней: «...конструкты социальных наук являются, так сказать, конструктами второго порядка, т.е. конструктами конструктов, созданных действующими людьми на социальной сцене, чье поведение социальный ученый должен наблюдать и объяснять в соответствии с процедурными правилами своей науки» (Шюц, 2004, с. 61). Научное знание основывается на обыденном опыте, но выстраивается по своим законам и переконструирует реальный мир. В подобной логике реализуются принципы *феноменологической модели* социальной реальности: разные индивиды сосредотачивают внимание на различных ее аспектах и тем самым создают собственные социальные — «жизненные» — миры (Пигров, 2005).

У. Флик рассматривает отношения между конструктами первого и второго уровней познания с точки зрения социального конструкционизма и прибегает к понятию *мимесиса* для их характеристики (Flick, 2009). Мимесис представляет собой эстетический принцип творческой деятельности художника, нашедший наиболее полное выражение в концепции Аристотеля: мимесис — это «подражание» действительности и одновременно отображение ее идеальных смысловых форм в символических объектах искусства (Бычков, 2010). Сами по себе рассуждения Флика достаточно сложны. Вслед за П. Рикером (1998) автор предусматривает раскрытие трех ступеней

мимесиса в конструировании, интерпретации и понимании мира как символического образования. Обращаясь к понятию мимесиса, Флик стремится раскрыть многогранность конструирования действительности в обыденном и научном мышлении: интерпретации в качественном исследовании не просто раскрывают значения обыденного опыта, конструкторы *первого уровня*, а помещают их в новые познавательные контексты и творчески «переделывают» в конструкторы *второго уровня*. Интерпретация выражает миметическое отношение между конструкторами первого и второго уровней. С этой точки зрения мимесис претендует на объяснение отношений между элементами обыденного и теоретического знания в научном исследовании, что уже осмыслялось в концепции социальных представлений С. Московиси, но в качественной методологии данный вопрос так и остался открытым.

Задавая ключевой технологический вектор качественных исследований, принцип интерпретативной реконструкции концентрируется на механизмах отслеживания, контроля и рефлексии интерпретативной работы. Это обеспечивает валидность интерпретации. Логика перехода от интерпретации к рефлексивности обусловлена тем, что валидность качественных исследований рассматривается с точки зрения экспликации процесса конструирования интерпретаций: согласно М.К. Мамардашвили, рефлексивна та мысль, в которой «содержание сознания ... может быть сформулировано в развернутом, или эксплицитном, виде» (Мамардашвили, 2010, с. 182). Экспликация пред-пониманий и предположений, опосредующих качественный анализ, — вот путь выхода из «петли» двойной герменевтики и задаваемой ею проблемы валидности интерпретаций, их изначальной смысловой нагруженности личными оценками и интересами исследователя не как отстраненного наблюдателя, а как активного участника социального мира.

Принцип рефлексивности

Формула этого принципа отчасти парадоксальна: само Я (*self*) исследователя является инструментом качественного анализа (King, 1996), более того, субъективный опыт и ценности составляют важный источник знаний об изучаемом явлении (Auerbach, Silverstein, 2003). Попытаемся внимательно отследить содержательный аспект положения Я и рефлексии в качественных исследованиях. В современной философии отстаивается независимость рефлексии от каких-либо психологических интерпретаций, о чем много писал в свое время А.М. Пятигорский. Для него рефлексия — «мышление, обращенное на себя самое; мышление, которое по крайней мере *во время* рефлексии мыслится как не имеющее своего объекта» (Пятигорский, 2002, с. 28; курсив автора. — О.М., Д.Х.). Тем не менее тема рефлексии по-

лучает должное осмысление и в психологии, где она определяется как *способность* к отражению своей психики, *процесс* мышления о мышлении и *состояние* погруженности в собственные мысли и чувства (Карпов, 2004). В концепции интеракционизма Дж. Мида, развитой Г. Блумером, показывается значение рефлексии как формы внутреннего контроля Я, усвоенной в результате принятия роли «обобщенного Другого», и в этом смысле говорится о рефлексивном Я (*me*) наравне с Я как импульсивно-активной составляющей личности (*I*) (Atkinson, Housley, 2003). Идеи Мида перебрасывают мост от теоретического осмысления рефлексии как механизма познания себя и других к проблеме рефлексии «субъективности» в рамках качественной методологии.

В качественной методологии рефлексивность — это особый тип *рефлексии*, который «включает в себя размышление и критический обзор всего процесса исследования с точки зрения контекста его проведения и роли самого исследователя в этом процессе» (Frost, Kinmond, 2012, с. 159). Рефлексивность является одновременно и средством обеспечения *прозрачности* исследования для потенциальных читателей, и критерием его оценивания, в определенном смысле параллельным валидности и надежности (Crowley, 2010). Я. Паркер (Parker, 2005) отмечает, что рефлексивность есть способ отслеживания институционального положения отношений между исследователем и исследуемым, т.е. влияния на них отношений власти и доминирования в обществе, идеологических представлений и дискурсов. Его позиция смыкается с критической социальной психологией. Таким образом, рефлексивность позволяет эксплицитовать процесс интерпретации данных, что, с одной стороны, дает возможность критически оценить проделанный анализ, а с другой — выстроить будущим читателям свое собственное отношение к результатам исследования; читатель всегда выступает в позиции со-участника исследования.

Выделяются и специальные типы рефлексивности в качественных исследованиях: *интроспективная*, *интерсубъективная*, *социальная критика*, *ироническая деконструкция* (Finlay, 2003); *личностная*, *функциональная*, *дисциплинарная* рефлексивность (Wilkinson, 1988); рефлексивность *о себе как исследователе, участниках исследования и аудитории* (Patton, 2002). Для развития рефлексивности используются техники или стратегии письма, многие из которых заимствованы из этнографии: речь идет прежде всего о «рефлексивном журнале» (Guba, Lincoln, 1985). В настоящее время развиваются альтернативные стратегии репрезентации данных автобиографии, беллетристики, перформанса для выражения различных смысловых позиций и конструкций социального мира (Gergen, 2009).

Принцип рефлексивности и понятие голоса в качественных исследованиях

В западном научном сообществе качественные методы претендуют, помимо прочего, и на раскрытие позиций маргинальных и дискриминируемых социальных групп (например, этнических). Для обозначения внимания к этим проблемам некоторые современные авторы обращаются к метафоре *голоса* (Butler-Kisber, 2010; Guba, Lincoln, 2005; Hesse-Biber, Leavy, 2011), восходящей еще к идеям М.М. Бахтина о *полифонии* художественного текста и сознания человека: полифония означает «*проведение темы по многим и разным голосам*» (Бахтин, 1979, с. 185; курсив автора. — О.М., Д.Х.). Дать «право говорить» участникам исследования означает услышать их конкретные высказывания и живой опыт, не замещая его своими объяснениями и конструкциями. Сложность на этом пути передачи знания «из первых рук» заключается в невозможности однозначного разведения голоса респондента и исследователя, неминуемо пересекающихся и сливающихся в диалоге.

Иными словами, голоса представляют собой различные *смысловые позиции*, точки зрения и мнения, которые соприисутствуют в тексте (Плеханова, 2011), а в качественных исследованиях — *позиции говорящего* или рамки интерпретации (*interpretative framework*), задающие направление анализа и определяющие то, что именно будет отрефлексировано в этом процессе (Coyle, 2007). Голос раскрывается в трех измерениях — как голос автора, как презентация автором голоса респондента внутри текста и как голос Я (*Self*) — самого респондента (Hertz, 1997). Рефлексивность же выступает средством проведения полифонии различных смысловых позиций в качественном анализе и возвращает нас к выдвинутым принципам контекстуальной чувствительности и понимания, замыкая круг наших методологических рассуждений.

Принципы качественных исследований, сформулированные в настоящей статье, по сути, доказывают правомерность их объединения в единый методологический подход, который реализуется, как мы стремились показать, в различных направлениях и стратегиях анализа данных — от исторически ранних этнографических до современных дискурс-аналитических. Однако логика рассмотрения качественной методологии с точки зрения концептуального единства ее положений преследует не только эвристическую цель систематизации поля имеющихся исследовательских проблем. Соприкосновение в выделенных принципах эпистемологических тем и технических задач качественного анализа отражает, очевидно, более широкие тенденции к интеграции современной психологии через

конвергенцию академической и практической психологии (Юревич, 2007). Диалогический и интерпретативный характер качественных исследований дает основание рассмотреть принятие и преодоление *неопределенности* как основное условие их проведения (Корнилова, 2012), что находит выражение в упомянутом принципе рефлексивности: исследователь берет на себя ответственность за аналитические решения, экспликация которых становится критерием валидности и оценки качества всей работы со стороны научного сообщества. Выдвинутые нами принципы, смеем надеяться, поднимаются над частной проблематикой качественной методологии и вносят известный вклад в развитие теоретических дискуссий на нынешнем этапе развития психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономова Н.С. Эпистемология сквозь призму языка: диалог, понимание, перевод // Эпистемология: перспективы развития / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2012. С. 352—368. [Avtonomova, N.S. (2012). *Jepistemologija skvoz' prizmu jazyka: dialog, ponimanie, perevod*. In: V.A. Lektorskij (Red), *Jepistemologija: perspektivy razvitija* (ss. 352—368). Moskva: Kanon+, ROOI Reabilitacija]

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. [Andreeva, G.M. (2009). *Social'naja psihologija segodnja: poiski i razmyshlenija*. Moskva: NOU VPO MPSI]

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. [Bahtin, M.M. (1979). *Jestetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo]

Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013. [Busygina, N.P. (2013). *Metodologija kachestvennyh issledovanij v psihologii*. Moskva: INFRA-M]

Бычков В.В. Эстетическая аура бытия: современная эстетика как наука и философия искусства. М.: МБА, 2010. [Bychkov, V.V. (2010). *Jesteticheskaja aura bytija: sovremennaja jestetika kak nauka i filosofija iskusstva*. Moskva: MBA]

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. [Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedenija*. Moskva: Progress]

Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. [Zinchenko, V.P., Pruzhinin, B.I., Shhedrina, T.G. (2010). *Istoki kul'turno-istoricheskoy psihologii: filosofsko-gumanitarnyj kontekst*. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija]

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. [Karpov, A.V. (2004). *Psihologija refleksivnyh mehanizmov dejatel'nosti*. Moskva: IP RAN]

Корнилова Т.В. Принятие неопределенности как предпосылка развития теоретической психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А.Л. Журавлёва, Т.В. Корниловой, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2012.

С. 178—200. [Kornilova, T.V. (2012). Prinjatje neopredelennosti kak predposylka razvitija teoreticheskoj psihologii. In: A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Jurevich (Red), *Paradigmy v psihologii: naukovedcheskij analiz* (ss. 178—200). Moskva: IP RAN]

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Юрайт, 2011. [Kornilova, T.V., Smirnov, S.D. (2011). Metodologicheskie osnovy psihologii. S.-Peterburg: Jurajt]

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. [Mamardashvili, M.K. (2010). *Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii*. Moskva: Progress-tradicija, Fond Meraba Mamardashvili]

Ойзерман Т.И. Метафилософия: теория историко-философского процесса. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. [Ojzerman, T.I. (2009). *Metafilosofija: teorija istoriko-filosofskogo processa*. Moskva: Kanon+, ROOI Reabilitacija]

Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Академический проект, Альма Матер, 2010. [Orlova, Je.A. (2010). *Istorija antropologicheskikh uchenij*. Moskva: Akademicheskij projekt, Al'ma Mater]

Пигров К.С. Социальная философия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. [Pigrov, K.S. (2005). *Social'naja filosofija*. S.-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU]

Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста. Минск: ТетраСистемс, 2011. [Plehanova, T.F. (2011). *Diskurs-analiz teksta*. Minsk: TetraSistems]

Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение: четыре лекции по обсервационной философии. Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. [Pjatigorskij, A.M. (2002). *Myshlenie i nabljudenie: chetyre lekcii po observacionnoj filosofii*. Riga: Liepnieks & Ritups]

Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. Т. I: Интрига и исторический рассказ. М.: СПб.: Университетская книга, 1998. [Riker, P. (1998). *Vremja i rasskaz: V 2 t. T. I: Intriga i istoricheskij rasskaz*. Moskva; S.-Peterburg: Universitetskaja kniga]

Системная организация и детерминация психики / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2008. [Sistemnaja organizacija i determinacija psihiki (2008) / V.A. Barabanshnikov (Red). Moskva: Izdatel'stvo IP RAN]

Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. [Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy (2010) / I.T. Kasavin (Red). Moskva: Kanon+, ROOI Reabilitacija]

Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 118—133. [Harre, R. (2006). Material'nye ob'ekty v social'nyh mirah. In: V. Vahshtajn (Red), *Sociologija veshhej* (ss. 118—133). Moskva: Territorija budushhego]

Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., Екатеринбург: ИП РАН, КСП+, Деловая книга, 2000. [Shihirev, P.N. (2000). *Sovremennaja social'naja psihologija*. Moskva; Ekaterinburg: IP RAN, KSP+, Delovaja kniga]

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалёв Е., Левинсон А. Качественные методы: полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. [Shtejnberg, I., Shanin, T., Kovalev, E., Levinson, A. (2009). *Kachestvennye metody: polevye sociologicheskie issledovanija*. S.-Peterburg: Aletejja]

Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. [**Shjuc, A.** (2004). *Izbrannoe: mir, svetjashhijsja smyslom*. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija]

Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлёва, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2007. С. 503—523. [**Jurevich, A.V.** (2007). Integracija psihologii: utopija ili real'nost'? In: A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich (Red), *Teorija i metodologija psihologii: postneklassicheskaja perspektiva* (ss. 503—523). Moskva: Izdatel'stvo IP RAN]

Atkinson, P., Housley, W. (2003). *Interactionism*. London: Sage.

Auerbach, C.F., Silverstein, L.B. (2003). *Qualitative data: In introduction to coding and analysis*. NY; L.: New York University Press.

Butler-Kisber, L. (2010). *Qualitative inquiry: thematic, narrative and arts-informed perspectives*. London: Sage.

Coyle, A. (2007). Introduction to qualitative psychological research. In: E. Lyons, A. Coyle (Eds), *Analysing qualitative data in psychology* (pp. 9—29). London: Sage.

Creswell, J.W. (2007). *Qualitative inquiry & research design: Choosing among five approaches*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Crowley, C. (2010). Writing up the qualitative methods research report. In: M.A. Forrester (Ed), *Doing qualitative research in psychology* (pp. 229—246). London: Sage.

Finlay, L. (2003). The reflexive journey: mapping multiple routes. In: L. Finlay, B. Gough (Eds), *Reflexivity: a practical guide for researchers in health and social sciences* (pp. 3—20). London: Blackwell science Ltd.

Flick, U. (2009). *An introduction to qualitative research*. London: Sage.

Frost, N., Kinmond, K. (2012). Evaluating qualitative research. In: C. Sullivan, S. Gibson, S. Riley (Eds), *Doing your qualitative psychology project* (pp. 154—172). London: Sage.

Gergen, K.J. (2009). *An invitation to social construction*. London: Sage.

Giddens, A. (1993). *New rules of sociological method*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Guba, E.G., Lincoln, Y.S. (1985). *Naturalistic inquiry*. Newbury Park, CA: Sage.

Guba, E.G., Lincoln, Y.S. (2005). Paradigmatic controversies, contradictions and emerging confluences. In: N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds), *The Sage handbook of qualitative research* (pp. 191—216). Thousand Oaks, CA: Sage.

Hammersley, M. (2008). Context and contextuality. In: L.M. Given (Ed), *The Sage encyclopedia of qualitative research methods* (Vol. 1, pp. 122—123). Thousand Oaks, CA: Sage.

Hertz, R. (1997). Introduction: Reflexivity and voice. In: R. Hertz (Ed), *Reflexivity and voice* (pp. vii – xviii). Thousand Oaks, CA: Sage.

Hesse-Biber, S.N., Leavy, P. (2011). *The practice of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage.

King, E. (1996). The use of self in qualitative research. In: J.T.H. Richardson (Ed), *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences* (pp. 175—188). Leicester, UK: BPS Blackwell.

Marková, I. (2003). *Dialogicality and social representations: The dynamics of mind*. Cambridge: Cambridge University Press.

Melnikova O.T., Khoroshilov D.A. (2010). Priority research directions in the area of qualitative methodology. In: Y.P. Zinchenko, V.F. Petrenko (Eds), *Psychology in Russia: State of the Art* (pp. 46—72). Moscow: Lomonosov Moscow State University, Russian Psychological Society.

Miles, M.B., Huberman, A.M. (1994). *Qualitative data analysis: An expanded sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Nerlich, B. (2004). Coming full (hermeneutic) circle: The controversy about psychological methods. In: Z. Todd, B. Nerlich, S. McKeown, D.D. Clarke (Eds), *Mixing methods in psychology: The integration of qualitative and quantitative methods in theory and practice* (pp.16—36). New York: Psychology Press.

Packer, M. (2011). *The science of qualitative research*. New York: Cambridge University Press.

Parker, I. (2005). *Qualitative psychology: Introducing radical research*. Maidenhead, Berkshire: Open University Press.

Patton, M.Q. (2002). *Qualitative research and evaluation methods*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Platt J. (1985). Weber's Verstehen and the history of qualitative research: the missing link. *British Journal of Sociology*, 36 (3), 448—466.

Rogers, S.W. (2011). *Social psychology*. Maidenhead, Berkshire: Open University Press.

Silverman, D. (2006). *Interpreting qualitative data: methods for analyzing talk text and interaction*. London: Sage.

Stake, R.E. (2010). *Qualitative research: Studying how things work*. New York: The Guilford Press.

Tuffin, K. (2005). *Understanding critical social psychology*. London: Sage.

Wetherell, M. (1998). Defining social psychology. In: R. Sapsford (Ed), *Theory and social psychology* (pp. 5—18). London: Sage.

Wilkinson, S. (1988). The role of reflexivity in feminist psychology. *Women's Studies International Forum*, 11, 493—502.

Willig, C. (2012). *Qualitative interpretation and analysis in psychology*. Maidenhead, Berkshire: Open University Press.

Поступила в редакцию
15.03.13